

Петр Бернгардович СТРУВЕ
(26.01.1870 — 26.02.1944)

Российский политический деятель, философ, экономист, историк, публицист, один из крупных политических вождей русской буржуазии.

В 1890-х гг. теоретик «легального марксизма», вел полемику с народниками, автор Манифеста РСДРП (1898).

С начала 1900-х гг. — лидер российского либерализма, редактор журнала «Освобождение», один из руководителей «Союза освобождения». С 1905 г. — член партии кадетов и ее ЦК. Депутат 2-й Государственной думы. С 1907 г. — фактический руководитель журнала «Русская мысль», участник сборника «Вехи» (1909), инициатор сборника «Из глубины» (1918).

После октября 1917 г. вел борьбу с большевиками, один из идеологов Белого движения, член «Особого совещания» при генерале А. И. Деникине, министр в правительстве генерала П. Н. Врангеля, организатор эвакуации его армии из Крыма. С 1920 г. — в эмиграции, редактор журнала «Русская мысль» (Прага), газеты «Возрождение» (Париж) и др., преподавал в Пражском и Белградском университетах.

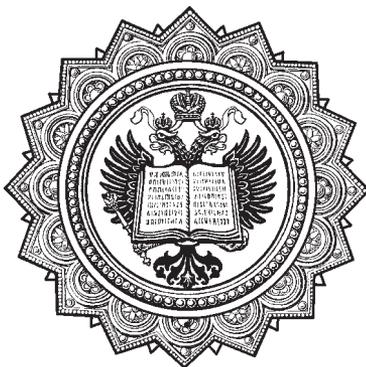
Автор работ по социально-экономической истории России, проблемам российской интеллигенции и др.

Петр Бернгардович
Струве
Экономическая
ИСТОРИЯ
РОССИИ

Иллюстрированное издание

Москва
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С 87

Состав, подготовка текста, комментарии и примечания,
современная версия — *А. Гордеев*
Дизайн серии — *И. Осипов*
Оформление обложки — *А. Сергиенко*

Струве, Петр Бернгардович.

С 87 Экономическая история России. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

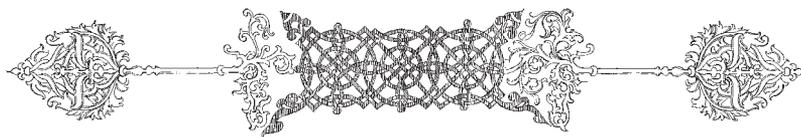
ISBN 978-5-699-93699-1

Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — яркий представитель русской интеллектуальной культуры конца XIX—первой половины XX века, мыслитель, экономист, философ, политик. Современник всех русских революций, П. Б. Струве дорого заплатил за обретение исторической истины. Примечательной особенностью его трудов стало лично изжитое им знание всех темных закоулков марксизма, материализма и основанного на этой идеологии богоборческого коммунистического строя. Струве первым поддержал великого реформатора П. А. Столыпина в борьбе против земельной общины ради экономической свободы предпринимательства. В среде русской либеральной общественности он стал первым человеком, отчетливо осознавшим себя русским патриотом и проповедовавшим патриотизм. «Нам нужен спасительный духовный переворот, опору в котором мы можем почерпнуть только в нашем духовном прошлом, в традициях Святой Руси и Великой России... Нужно понять, что не может быть национального духа без роду, без племени. Преодоление революции должно состоять в том, что русский народ перестанет чувствовать себя безродным, что он сбросит с себя чужеземное духовное иго...» (П. Б. Струве).

УДК 947.06
ББК 63.3(2)471

ISBN 978-5-699-93699-1

© Состав, текст, дизайн, макет, художественное оформление.
«Артнет Медиа», 2016
© ООО «Издательство «Э», 2017

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

От Издательства

«Он любит Россию нерусскою любовью...»

Василий Розанов

Петр Бернгардович Струве — выдающийся русский политический деятель, экономист, философ и историк, ведущий представитель «легального марксизма».

Струве был убежденным противником революционного марксизма, в особенности учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Оппозиционно настроенный по отношению к самодержавию, он требовал буржуазно-демократические свобод, критикуя народничество. Стремился не к пролетарскому социализму, а к буржуазному либерализму. Пытался приспособить марксизм к потребностям либеральной буржуазии. В 1898—1900 гг. Струве стал на путь открытой ревизии марксизма, а также не только формального, но и открытого разрыва с социал-демократией.

После революции 1905—1907 гг. возглавлял правое крыло партии кадетов, редактировал журнал «Русская мысль», ставший органом правых кадетов.

Октябрьскую революцию Струве воспринял как национальную катастрофу. В годы гражданской войны он участвовал в белом движении: деятельно сотрудничал с Белым движением и входил в состав «Особого совещания» А. И. Деникина.

Входил также в состав правительства генерала П. Н. Врангеля, где возглавлял управление иностранных дел. Струве оказал серьезное влияние на формирование политики правительства, которую он характеризовал как «левую политику правыми руками».

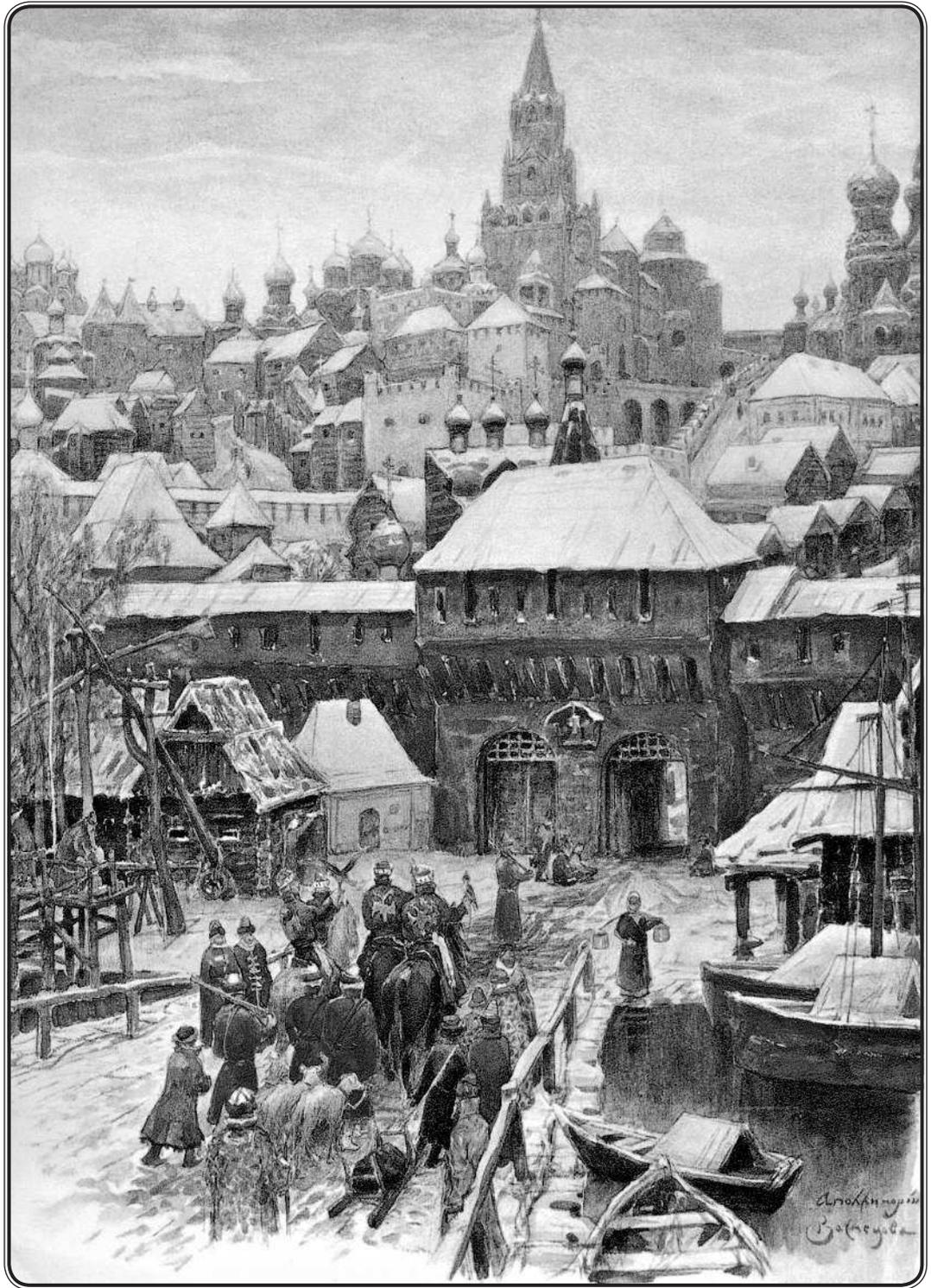
После разгрома контрреволюционных сил покинул Россию. В эмиграции издавал ряд журналов и газет («Русская мысль», «Возрождение», «Россия» и др.), преподавал в Белградском университете, возглавлял Отделение общественных наук Русского научного института.

В 20—30-е гг. являлся признанным духовным вождем крайне правых интеллигентских кругов русской эмиграции.

С 1928 г. жил в Белграде, где занимал должность председателя отделения общественных наук Русского научного института. В 30-х гг. Струве отошел от политической деятельности, оставаясь членом Союза русских писателей и журналистов в Королевстве Югославия, в 1930—1931 гг. был его председателем.

В конце жизни работал над трудами «Система критической философии» (рукопись не уцелела) и «Социально-экономическая история России» (не окончена, опубликована в 1952 г.).

В 1941 г. был арестован немецкими оккупантами как «друг Ленина» и три месяца провел в заключении. В июле 1942 года ему удалось выехать во Францию. Умер в Париже; похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Он был первым почти во всем: в русской мысли первым последовательным западником — до него последовательными западниками были разрозненные одиночки: Чаадаев, И. С. Тургенев, Б. Н. Чичерин; в среде русской радикальной интеллигенции он первым посмел возненавидеть народничество и назвать его «сифилисом русской мысли» за культ отсталости и примитивности «мужика», принятый за идеал морально-общественного здоровья; он первым посмел поддержать Столыпина в борьбе против земельной общины ради экономической свободы — т. е. против идеала социалистического хозяйства — экономическая свобода мыслилась им как необходимая база для прочной политической свободы и тем самым для свободного культурного развития вообще; в среде, из которой он вышел, в среде русской либеральной общественности он был первым человеком, отчетливо осознавшим себя русским патриотом и проповедовавшим патриотизм...

В моих воспоминаниях о Петре Бернгардовиче я пытался обрисовать его умственный склад, личность и воззрения, как я постепенно их узнавал в течение моего почти полувекового дружеского общения с ним. Я старался при этом умышленно, насколько это было возможно, воздерживаться от обобщений и ограничиваться приведением фактов, лишь в исключительных случаях, где было необходимо для понимания самих фактов, отступая от этого приема и давая общую характеристику Петра Бернгардовича. Поэтому мои воспоминания суть скорее материалы к истории его жизни, к его биографии (подлинная его биография — само собой разумеется — есть дело будущего историка русской мысли и общественности), чем синтетическое описание его как личности и мыслителя. Подводя итоги сказанному выше, мне хотелось бы дополнить эти материалы к биографии Петра Бернгардовича попыткой обобщающей его характеристики. Я не ставлю своей задачей дать закон-

ченно-целостный портрет его умственной и духовной личности. Это задача художника слова и мысли, к которой я не чувствую себя способным; я хотел бы только набросать несколько отдельных, наиболее существенных, по моему впечатлению, штрихов, из которых он складывается.

Я начинаю с характеристики его умственного склада. Первое, что при этом бросалось в глаза всякому, кто интеллектуально общался с Петром Бернгардовичем, — это редкая, едва ли не единственная в наше время многосторонность его интересов и знаний. Широкая публика, привыкшая, что в наше время даже самые выдающиеся личности укладываются в какую-нибудь профессиональную категорию, подводила его под две рубрики: для нее он был ученый — профессор-экономист и политик. Но всякий, лично знавший Петра Бернгардовича или даже ближе знакомый с его писаниями, должен был сознавать, что его личность и деятельность никак не исчерпывались этими понятиями. Уже на простой общий вопрос: кто такой Петр Бернгардович Струве — ученый? писатель? политик? — единственный правильный ответ будет: всё вместе в нераздельном единстве личности.

Очарование его личности состояло именно в том, что он был прежде всего яркой индивидуальностью, личностью вообще, т. е. существом, по самой своей природе не укладывающимся в определенные рамки, а состоящим из гармонии противоборствующих противоположностей (*coincidentia oppositorum*, употребляя философский термин Николая Кузанского). Не раз его друзья огорчались тем, что он растрчивает себя, разбрасываясь в разные стороны, и, как я упоминал в воспоминаниях, мне самому приходилось в последние годы его жизни предупреждать его об этой опасности. Мне известно, что приглашение его на профессуру в Политехнический институт имело отчасти — у друзей, которым принадлежала инициатива этого приглашения, — задачу отвлечь его от политики и публицистики и заставить сосредоточить свои силы на научном творчестве. Все это было тщетно, ибо личность нельзя

изменить, а личность Петра Бернгардовича могла выражаться и находить себе удовлетворение только в полноте многообразных и противоречивых интересов и разного рода деятельности. В этом отношении он — немец по происхождению — был типически русским духом; он походил своим умственным и духовным складом на такие типично русские умы, как Герцен, Хомяков, Владимир Соловьев, — с той только разницей, что они были гениальными дилетантами (или, как Вл. Соловьев, специалистом только в одной области), тогда как Петр Бернгардович был настоящим солидным ученым сразу в весьма широкой области знаний.

Пытаясь определить прежде всего сферу его научного творчества и научных интересов, нужно сказать, что она охватывала едва ли не все области «гуманитарных знаний» — политическую экономию и статистику, социологию, историю во всех ее подразделениях (политическую историю, историю права и государства, хозяйственную историю, историю культуры), правоведение в двух основных его отделах гражданского и государственного права, историю литературы, по крайней мере XVII и XIX веков, и, наконец, даже языкознание и философию. Конечно, не все эти науки имели одинаковое значение и занимали равное место в его творчестве; подлинным ученым специалистом в течение первой половины своей жизни он был преимущественно в области политической экономии (одновременно экономической теории и истории хозяйства), статистики и социологии; под старость он стал едва ли не первым по знаниям и оригинальности мысли из современных русских историков и считал научное творчество в этой области главным своим призванием.

Но, во-первых, его научный горизонт по этим основным его специальностям был так широк, что всегда охватывал целый ряд смежных наук. Так, в работе над книгой «Хозяйство и цена» он стал основательным знатоком истории гражданского права с древнейших времен, в частности римского права, и ряда других наук; в работе над русской историей он

изучил историю русского языка и написал по ней несколько этюдов (о происхождении слова «крестьянин», об истории словесных оборотов «потому что» и «оттого что»). История экономических учений превращалась для него, как это видно из одного из его последних писем ко мне, в историю экономической мысли, для которой он изучал общую литературу, начиная с Гомера и греческих трагиков.

А за тем на другие области научного знания он совершал по временам как бы «налеты» из чистой любознательности, необычайно быстро овладевая их литературой и становясь в них скорее настоящим знатоком, чем дилетантом; по некоторым из них он оставил самостоятельные работы и исследовательского и творческого характера (например, по философии, по истории русской и европейской литературы XVIII и XIX веков, по истории русской науки); но даже в областях знания, по которым он сам ничего не писал, он становился основательным знатоком. Так, в 20-х годах, живя в Париже и редактируя «Возрождение», он погрузился в изучение исторической грамматики французского языка; в одном из разговоров с ним я убедился, что он с исчерпывающей основательностью изучил всю литературу государственного права; и таких примеров можно было бы привести еще множество. Но его знания не ограничивались даже всей сферой гуманитарных наук, а распространялись на смежные с ней области естествознания — отчасти в исторической перспективе (так, он был знатоком истории русской науки, включая историю математики и естествознания в России, в частности историю деятельности немецких ученых естественников и математиков в России), отчасти в связи с его общими философскими и социологическими интересами.

Из этой последней сферы приведу один пример. В связи со своим учением об обществе как системе взаимодействия между индивидами, он изучил литературу недавно возникшей новой биологической науки «экологии» (науки о формах совместной жизни и взаимодействии в животном и растительном царстве). Говоря однажды со мной о нелюбимом им австрий-

ском социологе Отмаре Шпанне, стороннике отрицаемой Петром Бернгардовичем органической теории общества, и цитируя фразу Шпанна, в которой органическое единство общества противопоставлялось механической совокупности деревьев в лесу, Петр Бернгардович сказал: «Он настолько невежествен, что даже не знает о существовании целой науки экологии». Я подумал при этом, что по меньшей мере девять десятых знаменитых и ученых социологов должны быть по этому признаку зачислены в разряд невежд.

Такого рода широта научного творчества и знаний предполагает, кроме широты интересов, еще особый дар — память. Всякий, кто встречался и беседовал с Петром Бернгардовичем, знает, что он обладал почти сверхчеловеческой силой памяти. Он, казалось, никогда не забывал раз узнанные или где-либо вычитанные факты, данные, названия и мысли. Читая необычайно быстро, он на всю жизнь запоминал прочитанное во всех подробностях и через 20–30 лет мог рассказать содержание книги, как будто прочитал ее накануне. Память его распространялась не на одни лишь данные научного порядка. Во время редактирования «Освобождения» он поражал меня и других тем, что знал служебную биографию и как бы мог на память составить послужной список едва ли не всех видных русских бюрократов (включая и губернаторов). В «Русской Мысли» он завел особый ежемесячный отдел некрологов, который он составлял сам, поминая жизнь и деятельность иногда до десяти людей, скончавшихся в истекшем месяце. Он очень дорожил такой биографической работой; когда однажды в редакции возникли сомнения в надобности этого отдела некролога, он горячо воскликнул: «Нет, уж оставьте мне моих покойников». Для своих друзей и собеседников он был ходячим энциклопедическим словарем.

Эта память, в связи с любовью к книге и быстротой усвоения прочитанного, делала его несравнимым знатоком общей литературы; он всегда умел находить бесконечно много забытых, мало кому известных или оставшихся неоцененными книг и был в этом отношении

совершенно исключительным наставником. Некоторые факты, сюда относящиеся, из моего общения с ним я уже приводил; приведу здесь еще некоторые другие. В самом начале нашего знакомства он однажды написал мне: «Знаете ли вы письма Флобера? Вот чтение для богов — и для вас!» Благодаря этому указанию, я ознакомился с одним из величайших — по мыслям и форме — произведений французской литературы XIX века — кажется, доселе недостаточно оцененным. Много позднее он обратил мое внимание на замечательного и мало кому известного поэта Щербину.

Но главная ценность его детальной литературной и исторической осведомленности состояла в том, что она существенно исправляла ходячие ложные суждения о деятелях прошлого. Так, например, от него я узнал, что Тредьяковский — обычно только нарицательное имя для поэтической бездарности и педантизма — имеет заслугу первого введения в русскую литературу философской терминологии, или что Сенковский (в беллетристике — ничтожный «барон Брамбеус») был первоклассным ученым-лингвистом, или что *bete noire* (фр. — пугало, предмет ненависти) русской радикальной новейшей истории — граф С. С. Уваров — был не только заслуженным либеральным государственным деятелем, но и одним из самых образованных людей своего времени, ученым классиком, другом и почитателем Гёте. Таких примеров неожиданных, свежих, интересных указаний и независимых суждений, которые приходилось слышать от Петра Бернгардовича, можно было бы привести бесконечное множество.

Роль, которую играла в научном творчестве Петра Струве его огромная память (унаследованная им, вероятно, от его деда, знаменитого астронома Струве, составителя каталога звезд), могла бы склонить к предположению, что главный интерес его умственной натуры состоял в эмпирическом установлении и описании фактов. Много знаменитых ученых составили себе славу именно как установители и собиратели фактических данных, из которых складывается эмпирическая реальность; таковы многие историки и представители описатель-

ного естествознания. Совсем не таков был умственный склад Петра Бернгардовича. Он, правда, любил познание фактов, так сказать, как таковое, любил обилие деталей, точность в описании эмпирической действительности; но в общем его умственном складе факты были для него только материалом для мысли, для обобщающих интуиций.

То, что его влекло всегда к широким обобщениям, что он обладал даром интуитивного открытия новых истин и что он вместе с тем всегда стремился тщательно проверять свои интуиции на частных фактах, опираться на детальное знание эмпирической реальности во всем ее бесконечном многообразии, всегда затрудняло его научное творчество, как это видно из его приведенных в моих воспоминаниях писем о занятии русской историей в последние годы жизни. Он ставил себе почти неосуществимую задачу — сочетать одновременно исчерпывающее знание всего эмпирического материала с построением широких, как бы философских, обобщений. Ему никогда на практике не удавалось соблюдать мудрое правило Гёте: «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister» («мастер прежде всего сказывается в самоограничении» — нем.); его обобщениям угрожала всегда опасность либо утонуть в безбрежном количестве приводимого материала, либо оставаться только фрагментарными; и этим отчасти объясняется сравнительно малая — при его дарованиях — научная плодотворность (вопрос, которого я подробнее коснусь ниже). Но если оставить в стороне вопрос, в какой мере эта полнота замысла была полезна или вредна в практике его творчества, обратить внимание только на самый его стиль, то можно сказать, что его целью было всегда — редко встречающееся в науке — гармоническое равновесие между эмпирическим и интуитивно-обобщающим моментами знания, между фактами и общими идеями.

Так, по его основной специальности, решительно преодолев «классическую», т. е. абстрактную политическую, экономию, он совсем не был сторонником противоположной, «исторической» школы политической

экономии, просто отвергавшей теорию и заменявшей ее описанием хозяйственного быта, а стремился создать новый тип обобщающей теории хозяйства, основанный на установлении эмпирических закономерностей хозяйственной жизни. Таково же было и его основное педагогическое влияние на молодое поколение русских экономистов — его учеников: он учил их экономически мыслить, ориентируясь на эмпирическое хозяйственной реальности. В философии его также влекло к тому типу философской мысли, который опирается на данные и выводы положительных наук.

Это сочетание философского интереса с эмпирическим, отвлеченной мысли с любовью к конкретной реальности было более чем просто умственным складом Петра Бернгардовича. Оно было укоренено в самой его духовной личности. По первому, внешнему впечатлению он был типичным рассеянным «ученым» — или мечтателем, — человеком, погруженным в свои мысли и мечты и не обращающим внимания на все окружающее. С ним не раз случалось, что он как будто просто не видал людей, находящихся в одной комнате с ним, забывал с ними поздороваться; и о его феноменальной рассеянности ходили, как я уже упоминал, целые легенды. Но это была лишь внешняя, бросающаяся в глаза, поверхностная сторона его существа.

Его внимание, правда, шло своим особым, капризным путем, почти не считаясь — как у нормальных людей — с практическими нуждами жизненного обихода. Но под обликом рассеянности скрывались напряженное внимание и интерес ко всем конкретным деталям окружавшей его реальности; он жадным, любовным взором всматривался во все, что встречалось на его пути, и, со свойственной ему силой памяти, надолго — едва ли не навсегда — все запоминал. Через много лет он мог подробно рассказать, какое платье носила женщина, которой он, казалось, совсем не заметил при встрече с ней. Этот, по наружному своему облику, по внешнему устройству и ходу своей жизни, типически русский интеллигент-аскет, неряшливый и беззаботный,

для себя самого равнодушный к жизненным удобствам и благолепию, был, так сказать, бескорыстно страстным любителем жизни во всей конкретной полноте ее проявлений.

Его практический аскетизм вытекал просто из его личного бескорыстия, из направленности его духа на созерцание жизни и на действительное моральное участие в ней; в нем не было и тени принципиального аскетизма, столь распространенного в русской интеллигенции и опирающегося на некое, по большей части неосознанное, «гностическое» отвержение мира и презрение к нему, на врожденную, кажется, русскому духу тягу к «опрощению», на отвлеченный спиритуализм, для которого плоть, всякое цветение, богатство и полнота земного бытия сами по себе суть зло или ненужная суета. Петр Бернгардович, напротив, по-пушкински или по-гётевски благословлял жизнь, любил и ценил ее, страстно ею интересовался, считал все в ней важным и интересным, одобрял в ней не бедность, а богатство и полноту. Прожив сам всю свою жизнь отрешенным от жизни скитальцем, он духовно был человеком жизни, деятельным ее участником и строителем. Доминирующая в его миросозерцании идея культуры — всеческой культуры, материальной не менее, чем духовной, или — точнее — неразрывного единства в культуре ее материального базиса и воплощения с ее духовной сердцевиной — вытекала из этой его органической обращенности на жизнь.

Это внимание к конкретной жизни и признание ее положительной ценности исключали для него возможность быть партийным человеком, быть плененным какой-либо партийной узостью, односторонностью и пристрастностью. Его любимым лозунгом было: «Надо рассуждать по существу». «Рассуждать по существу» значило для него: оценивать явления жизни и ценность отдельных людей по их собственному внутреннему содержанию, по их объективной ценности — независимо от того, имеем ли мы дело с политическим другом или врагом и умещаются ли такие объективные оценки в схему нашего политического миросозерцания, наших «общих

принципов». Он постоянно боролся против распространенной в русской либеральной и радикальной журналистике привычки без разбору высмеивать политических противников, высказывать о них огульные отрицательные или пренебрежительные суждения, а также против привычки применять разные мерилы моральной оценки к врагам и друзьям.

Я помню его возмущение, когда один из сотрудников «Освобождения» грубо-пренебрежительно отозвался в своей статье о литературном достоинстве публициста Каткова. Он искренно недоумевал, как вообще возможно высказывать такое пристрастное суждение. По поводу распространенного в радикальных кругах морального негодования (часто связанного со смакованием) на развращенность высших правящих кругов он говорил: «Почему Михайловский (Михайловский славился в писательском кругу своим донжуанством) может ежегодно менять своих возлюбленных, а великие князья не могут?» Его суждения о личном составе русской бюрократии — даже в эпоху юности, когда он был ее политическим врагом, — всегда были индивидуальны: он отчетливо различал в ней между людьми одаренными и бездарными, просвещенными и грубыми, добросовестными и недобросовестными. И такое же различие между людьми он делал позднее в оценке своих политических противников слева.

Я уже упоминал, что, питая жгучую личную ненависть к Ленину как натуре злобной и жестокой, он с почти благоговейным уважением отзывался о личности социал-демократки Веры Засулич. И вообще, одно из очарований его личности было сочетание в нем страстной убежденности, морального пафоса с широким, терпимым, снисходительным отношением к людям, с признанием законности многообразия индивидуальных дарований, призваний и склонностей.

В этой связи я должен коснуться интимной стороны жизни Петра Бернгардовича, в которую я был посвящен, — именно его отношения к женщинам и эротической любви. Делаю это не из намерения удовлетворить праздное любопытство читателя, а потому, что эта сторона

жизни — обычно, естественно, остающаяся скрытой и неведомой другим — есть часто в некотором смысле пробный камень самого нутра человеческой личности — и что она особенно характерна для своеобразия личности Петра Струве. В нем не было и тени легкомысленно-эпикурейского, смакующего отношения к женщинам и любви, ни столь распространенного в русской радикальной среде фарисейского, аскетически-осуждающего или пренебрежительного отношения к этой сфере жизни. В основе обеих этих противоположных установок лежит столь свойственный русской душе (и, в частности, многим талантливым русским людям) цинизм; цинизм же был органически чужд и ненавистен Петру Бернгардовичу. Этот погруженный в свои научные думы и в общественные заботы человек до поздних лет своей жизни оставался юношески чистой, романтической душой, горящей благоговением перед женской красотой и перед святыней эротической любви. Его отношение выразимо пушкинской формулой: «Благоговей богомольно перед святыней красоты».

Любви он придавал религиозное значение. Он уподоблял ее другой религиозной страсти своей души — любви к познанию. Он однажды сказал мне: «Любовь к женщине и любовь к истине есть, собственно, одно и то же чувство». Эту глубокую философскую мысль, сродни платоническому учению об эроте и некоторым течениям мистики, например «эротической философии» Баадера, он высказывал как личный опыт. Он, прежде всего, страстно увлекался бескорыстно женской красотой. Так, уже на пятом десятке лет он увлекся образом знаменитой красавицы леди Гамильтон, возлюбленной Нельсона, покупал — и дарил мне — ее портреты и поместил в «Русской Мысли» переводной роман из ее жизни. В его личной жизни любовь — в самом глубоком и полном смысле этого понятия — играла огромную роль; он был органически не способен на какое-либо легкомыслие в этой области. Это отношение к эротической любви в конечном счете вытекало из главной определяющей черты его нравственного су-

щества; он был как бы насквозь, до последней глубины, натурой чистой и горящей.

Большинство людей, производящих впечатление и оставляющих по себе память чистых, бескорыстных, святых личностей, имеют все же скрытые от других, часто скрываемые от себя самих, темные, мутные, корыстные низины души — обычно сказывающиеся при более близком будничном общении с ними. Ничуть не увлекаясь моей симпатией к Петру Бернгардовичу, а стараясь оставаться совершенно объективным и трезвым, я решаю утверждать, что он был совершенно чужд всяких мелких, низменных, корыстных страстей и страстишек — в той мере, в какой это вообще возможно не «святому», а человеку жизни и жизненных страстей. Он хорошо знал себе цену и искренно и откровенно возмущался, когда встречал несправедливое отношение к себе, — но именно так, как он возмущался несправедливым отношением к другим заслуженным людям. Но бескорыстие, отсутствие тайной оглядки на свои личные интересы, отсутствие мысли о личной карьере, репутации, материальном положении и вообще отсутствие всякой мелочности в жизни и отношениях с людьми давалось ему само собой, было в нем самой его природой.

Я приводил уже тому примеры; но, в сущности, вся его жизнь и деятельность есть подтверждение этого. Когда в самом начале оппозиционного движения в царствование Николая II понадобился человек, который, рискуя на всю жизнь стать изгнанником, стал бы во главе заграничного оппозиционного журнала (материально обеспеченного, конечно, только на первые годы), — таким человеком оказался Петр Бернгардович. Когда в эпоху антибольшевистской эмиграции ему казалось необходимым взяться за неблагодарную во всех смыслах задачу политического объединения эмиграции в борьбе против большевизма, — он без колебания взялся за это, еще гораздо более шаткое, дело, отказавшись ради него от предложенного ему тогда же почетного и во всех отношениях подходящего ему поста директора Экономического института в Софии. Он ни на мгновение не

задумывался над тем, что этим он навлекал на себя неудовольствие левого чешского правительства, которое своим «иждивением» давало единственный прочный источник материального обеспечения русским эмигрантам-интеллигентам.

И столь же равнодушен был он к своей общественно-политической репутации. Вся его публицистическая и политическая деятельность есть ряд «скандалов» — вызовов, которые он смело и не задумываясь бросал господствующему общественному мнению. Его жизнь была поистине сплошным бескорыстным служением — целиком была определена чувством долга.

«Чувство долга» есть только иное название для того состояния духа, которое точнее можно определить как горение. Горячность в любви к правде и добру, негодование на неправду и зло были основным, длительным состоянием его души. Он был по натуре страстным человеком, и вся эта страстность уходила на бескорыстное служение. Он был одинаково и страстным мыслителем, искателем объективной истины, и страстным борцом за моральную правду и общественное строительство. Эти две страсти, на практике часто раздиравшие его жизнь, где-то в последней глубине его существа, сливались в единую страсть к правде — в том глубоком и первичном, религиозном смысле этого начала, в котором правда-истина и правда-справедливость суть все же лишь две стороны нераздельно единой правды как жизни в согласии с истинно Сущим. Огнем искания правды и обличения неправды и заблуждения он — видимо для всякого собеседника — загорался и вспыхивал и в теоретически-научных спорах, и в спорах, и беседах политических. Для всех, входящих в соприкосновение с ним, это было основным определяющим впечатлением от его личности.

В конце 1905 года, после его возвращения из-за границы в Петербург, мне пришлось свести его с публицистом Г. Н. Штильманом (позднее близким сотрудником «Русской Мысли»), мы обедали втроем в ресторане Палкина, и Петр Бернгардович излагал Штиль-

ману свои политические идеи. В момент, когда он отвернулся и замолчал, Штильман, наклонившись ко мне, шепнул мне: «Как он загорается!» И без малого сорок лет спустя, дряхлым старцем, придя в Париже, уже незадолго до своей кончины, на собрание «клуба стариков», где седые, охлажденные долгим жизненным опытом люди мирно толковали о текущих политических событиях, он, как мне передавали, учинил настоящий разгром, яростно отстаивая свое, для большинства парадоксальное, понимание исторического смысла совершающегося и закончив возгласом: «Надо быть идиотом, чтобы этого не понимать!» После его кончины один человек, близкий Милюкову и лишь редко встречавшийся с Петром Бернгардовичем и мало его знавший, в двух словах точно определил (в письме ко мне) основное различие между ними: «Милюков был человек холодный, Струве — человек горящий».

Какой именно идее, какой цели было посвящено это горение? Не пытаясь здесь исчерпать такую сложную и обширную тему, как мировоззрение Петра Бернгардовича Струве, я хотел бы лишь отметить основной, определяющий мотив его общественных воззрений. Здесь, прежде всего, нужно решительно отвергнуть ходячее представление об эволюции его идей. Обычное, обывательское представление сводится к тому, что он радикально изменил идеалам своей юности и из одного лагеря перешел в противоположный. Часто приходилось — и от левых, и от правых — слышать неодобрительное суждение: «Струве начал с того, что был крайним левым марксистом-революционером, другом Ленина, а кончил едва ли не крайним правым». Это суждение ложно еще более, чем обычно бывают ложны все ходячие, обывательские формулы.

Оно, прежде всего, ложно уже чисто фактически. Как я уже упоминал, никогда Петр Бернгардович не был ни «другом Ленина» (личность и умственный тип которого были ему всегда — даже и в юности — чужды и ненавистны), ни ортодоксальным марксистом, ни фанатиком-революционером. И никогда он не стал ни «крайним правым», ни даже

вообще «правым» в типически русском смысле этого понятия; перед революцией 1917 года и даже сейчас же после нее он, будучи убежденным «консерватором», отчетливо и страстно противопоставлял свой консерватизм демагогическому «черносотенству», сродство которого в его «погромном» существе с большевизмом он ясно сознавал и определенно высказывал. В 20-х годах он пытался коалиционно сблизиться с крайними правыми в плане объединения всех антибольшевистских партий для борьбы с большевизмом; эта попытка быстро кончилась неудачей, после которой он снова ясно осознал всю глубину и принципиальность своего духовного разноголосия с обычным, господствующим типом русских «правых».

Характеризуя эволюцию политических идей Петра Струве чисто внешне, в банальных, ходячих (и потому неизбежно смутных) политических терминах, нужно будет сказать, что, будучи в юности радикалом и социалистом, но и уже тогда скорее умеренного и чуждого революционной догме направления, он в зрелом возрасте и в старости стал умеренным же консерватором.

Но такого рода определение в ходячих терминах совершенно неадекватно конкретному духовному содержанию политических идей — и вообще и в частности, в отношении воззрений Петра Бернгардовича. Поверхностные клички затуманивают и искажают подлинное существо вопроса. Я уже указывал, в иной связи, что Петр Бернгардович принадлежал к числу людей, которых Джемс определяет как «однажды рожденных». Зная его убеждения на протяжении всей его жизни, я решительно утверждаю, что никакого вообще переворота в них никогда не произошло. В самом существе своих воззрений он вообще не изменился — от начала до конца он веровал в одно и то же.

Если уже нужно — и поскольку вообще можно — определить тоже в ходячем общем политическом термине это единое неизменное основное содержание его политической веры, то Петра Бернгардовича следовало бы назвать либералом. От начала до самого конца своей жизни он в своей политической и пуб-

лицеистической деятельности, как и в своих научно-социологических и экономических убеждениях, был и остался сторонником свободы как основного определяющего положительного начала общественной жизни и культурного строительства. В начале моих воспоминаний я указал, какой собственно смысл имел его юношеский «марксизм». Это указание я хотел бы здесь еще несколько дополнить. В своей юности Петр Бернгардович был действительно — довольно короткое время — сторонником социалистического движения в той политической форме, которую оно имело в Германии в лице социал-демократической партии (с некоторыми членами этой партии он тогда находился в дружеских личных отношениях). Но эта немецкая социал-демократическая партия, подобие которой русские марксисты, в том числе и Петр Бернгардович, пытались тогда создать в России, была по своему конкретному содержанию и политической практике просто радикально-демократической партией, опиравшейся на рабочее движение и стремившейся к повышению экономического и культурного уровня рабочих масс. Собственно социалистический идеал фигурировал, как известно, только в ее «программе-максимум», т. е. как конечная цель, осуществление которой предносилось в некоем туманно-отдаленном будущем; фактически он оставался ни к чему не обязывавшей романтической мечтой, а для более проникательных вождей — просто пустой фразой. По общему своему духу эта партия была не радикальнее — скорее даже умереннее — обычного типа тогдашнего русского либерализма с его «народолюбием». В идеологии партии был даже момент, прямо противоположный революционизму: я имею в виду социологическое учение Маркса, по которому политические перевороты могут быть только плодом медленного, постепенного, как бы произвольного-органического назревания и изменения экономической структуры общества. К этому надо еще присоединить, что реальный политический пафос основанной тогда при участии Петра Бернгардовича русской социал-демократической партии — как

и всей тогдашней оппозиции — сводился к осуществлению единственной задачи, стоявшей перед русской общественностью, чисто либеральной задачи смены самодержавно-бюрократического строя строем конституционно-демократическим.

Правда, русская социал-демократическая партия — и в лице своих вождей (тогда еще солидарных между собой Ленина и Плеханова), и в лице своей рядовой массы оказалась фактически гораздо более радикально-революционной, чем ее немецкий образец. В ней уже с первых лет ее существования назревал будущий «большевизм», приведший в 1917 г. к основанию коммунистической партии, резко противопоставившей себя европейскому социализму; но и более умеренные будущие русские «меньшевики» были гораздо более фанатически-догматическими революционерами, чем их западноевропейские товарищи. Но именно поэтому Петр Бернгардович с самого же начала почувствовал себя чуждым этой революционной группировке и очень скоро с ней разошелся окончательно.

Но возглавляемый в то время Петром Бернгардовичем так называемый «литературный» марксизм — т. е. марксизм как идейное движение русской мысли, — находясь как бы в некоей «личной унии» с социал-демократической партией, имел вообще — как я уже указал в начале моих воспоминаний — совершенно иной общественно-философский смысл. Он был в русской мысли первым последовательным западником (до этого последовательными западниками были только одиночки, вроде И. С. Тургенева и Б. Н. Чичерина). Он полемически направлялся против народничества, этого завуалированного славянофильства, в течение многих десятилетий безраздельно господствовавшего над русской общественной мыслью.

Он решительно восстал против исконно русской тяги к «опрощению», против ставки на русскую отсталость и некультурность как залога, что России удастся избежать трагических социальных трудностей западноевропейского буржуазного капиталистического строя, против мечты, что из архаически-примитив-